

12. Российский социум в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.5rik.ru/best/best-57261.html>.

13. См. : напр., Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. р-2137. — Оп. 1. — Д. 91. — Л. 31; Д. 71. — Л. 31; Центр хранения и использования документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). — Ф. 26. — Оп. 4. — Д. 36. — Л. 278; Д. 48. — Л. 159–160; Д. 52. — Л. 64; Ф. 5482. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 32; Центральный государственный архив Хакассии (ЦГАХ). — Ф. р-42. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 22-24.

14. См. : например, ГАНИИО. — Ф. 159. — Оп. 6. — Д. 395. — Л. 27–29; Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 731. — Л. 20; РГАСПИ. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 323-д. — Л. 177, 178; Оп. 4. — Д. 31. — Л.10; НАРБ. — Ф. 1-п. — Оп. 1. — Д. 3934. — Л. 25; Д. 4314. — Л.34; ГАЧО. — Ф. 3-п. — Оп. 1. — Д. 1998. — Л. 85.

15. Точенов С. В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 г. / С. В. Точенов // Отечественная история. — 2004. — № 3. — С. 42–47; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. — Спб., 2002. — Кн. 1. — 448 с.

### Информация об авторе

*Шалак Александр Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: [Shalak-av@isea.ru](mailto:Shalak-av@isea.ru).

### Author

*Shalak Alexander Vasilievich* — Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: [Shalak-av@isea.ru](mailto:Shalak-av@isea.ru).

УДК 339.5(470+510)(091)

ББК 65.428(2Рос+5Кит)г

**В. П. ШАХЕРОВ**

## РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются процессы развития русско-китайской торговли. На новых архивных материалах рассматриваются организация и специфика кяхтинской торговли, ее роль в развитии экономики, транспортной инфраструктуры, капиталов региона. Показана взаимосвязь с активным промысловым освоением севера Тихого океана. Особое внимание уделено влиянию экономических процессов на социокультурное развитие городов края.

**Ключевые слова:** Кяхта, русско-китайская торговля, купечество, таможенные сборы, чай, грузоперевозка.

## RUSSIAN-CHINESE TRADE AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BAIKAL SIBERIA IN THE END OF XVIII — FIRST HALF OF XIX CENTURY

The article analyzes the processes of development of Russian-Chinese trade. On new archival materials considered organization and the specifics of Kyakhta trade, its role in economic development, transportation infrastructure, capital of the region. Shows the relationship with active commercial development of the North Pacific ocean. Special attention is paid to the impact of economic processes on social and cultural development of cities in the region.

**Keywords:** Kyakhta, Russian-Chinese trade, merchants, customs fees, tea, cargo.

В развитии сибирской экономики значительную роль сыграло становление русско-китайских экономических связей. Несмотря на то, что основные товарные потоки двух держав шли транзитом через Сибирь, сам ход торговли в приграничной Кяхте, ее обеспечение, транспортная составляющая, местные ресурсы и капитал выступали мощным катализатором региональной экономики. Большие торговые прибыли привлекали в Кяхту купцов из различных мест России. Первоначально здесь полностью господствовал российский капитал, что отразилось на составе основных торговых компаний, из которых лишь одна — Тобольская — объединяла сибиряков. К концу XVIII в. ряд российских компаний распался, их место заняли сибирские — Тобольская, Иркутская, Заморская. Сибиряки специализировались на промене пушнины, которая в этот период играла заметную роль в структуре российского экспорта. Они имели некоторое преимущество перед российскими купцами в том, что вели торговлю лично и лучше знали состояние дел в Кяхте. Кроме того, им требовалось меньше времени для оборота капитала, так как основная часть выменянных товаров расходилась в пределах Сибири. Однако сибиряки значительно уступали своим коллегам из России по размерам торгового оборота. В 1804 г., например, проследовало в Кяхту и вышло из нее 11,7 тыс. возов с товарами. Так как грузоподъемность воза не превышала 20 пудов, можно определить общий объем товарооборота в 234 тыс. пудов [4, л. 1–15]. Этот груз принадлежал 176 хозяевам из 28 городов страны, что свидетельствует о значительной географии участников кяхтинского торга. Сибирское купечество составляло 65,3% всех хозяев, но уступало по размерам товарооборота, который не превышал 36%.

Близость кяхтинского рынка привлекала сюда не только крупные капиталы. А.Н. Радищев подчеркивал, что китайский торг питал многих маломощных купцов и мещан Иркутска [14, с. 20]. Делая в год до

двух-четырёх оборотов, они накапливали капиталы и переходили в более высокую гильдию. Обмен сибирской пушнины на китайские товары и реализация их на крупнейших ярмарках страны, а также в розницу на сибирских рынках являлась одним из основных источников накопления местных капиталов. На подобных операциях один из богатейших иркутских купцов И. Медведников сколотил состояние в 7 млн р.

Манифест 1807 г., ограничивший состав кяхтинских торговцев только купцами первой гильдии, нанес серьёзный удар по мелкому и среднему купечеству. Резко сократилось число участников русско-китайского торга. До манифеста в Кяхте постоянно торговало до 40 иркутских и около 25 забайкальских купцов. В 1820-х же годах количество всех кяхтинских торговцев не превышало 50 человек, из которых сибиряков было не более 11 человек. Монополия крупного капитала во внешней торговле ставила остальное купечество в зависимое положение. В течение первой четверти XIX в. иркутское купечество низших гильдий неоднократно выступало с требованиями допустить их к китайскому торгу и запретить первогильдейцам розничную торговлю. В их среде возникали планы создания компаний для торговли с Китаем, в которой могли бы принимать участие все желающие. Еще в 1770-х гг. иркутский губернатор А. Бриль просил разрешить в Иркутске учредить компанию наподобие голландской Ост-Индской, чтобы каждый купец или промышленник мог отдавать в контору свой капитал, не подвергая его никакой опасности [16, л. 15 об.].

В 1817 г. группа иркутских купцов третьей гильдии обратилась в городскую думу с ходатайством о допуске их к китайскому торгу, хотя бы «здешними пышными товарами и произведениями». Дума поддержала их прошение, но губернская администрация не рискнула обратиться с представлением в высшие инстанции. Тем не менее иркутское купечество не оставляло надежды на расширение участников кяхтинского торга. Наиболее отчетливо эта мысль прозвучала в записке иркутского городского головы Е. Кузнецова, поданной в министерство финансов в 1827 г. «Купечество всех гильдий, — указывал он, — не токмо могло бы участвовать в сей торговле вкладом денежных сумм в компанию, но имело бы возможность производить и внутреннюю торговлю с большей пользой против настоящего времени» [17, л. 46 об.].

Закрытие кяхтинского торга для менее состоятельных деловых людей заставляло их искать другие возможности товарообмена с Китаем. Так, быстрое развитие получает мелочная торговля продуктами скотоводства и земледелия, которая была разрешена кяхтинским купцам и мещанам, пограничным казакам и забайкальским бурятам. Ее оборот в первой четверти XIX в. не превышал 180 тыс. р., но уже к 1840-м гг. удвоился и продолжал расти. Крупное купечество не без основания видело серьёзных конкурентов в мелких торговцах, которые в обмен на свою продукцию приобретали китайские товары и развозили их по всему

Забайкалью. Мелочная торговля в Кяхте привлекала многих предпринимателей края, являясь для них единственной возможностью выйти на внешний рынок. Среди них встречались торгующие крестьяне, разночинцы, даже ссыльные. Близость Кяхты к границе создавала благоприятные условия для развития мелочной беспошлинной торговли ее жителей, уследить за которой было крайне сложно. Сибирский губернатор Соимонов даже предлагал перенести торговую слободу подальше от границы. Но правительство не согласилось с ним, предложив в отношении «покупки и продажи товаров наиприлежное смотрение иметь», а с виновными поступать по закону.

Значительные размеры получила нелегальная торговля приказчиков, обозных служителей и ямщиков. Практически каждый из них привозил в Кяхту с купеческими караванами свои товары, обменивая их на чай, который затем сбывал на обратном пути. Ежегодно в Сибири расходилось до 4 тыс. так называемого «совкового» чая, похищенного обозными служителями. Проверять специальными совками — железными штырями с желобом количество и качество чая, они отсыпали фунт — другой из каждого цыбика.

На границе с Китаем процветала контрабандная торговля. Малочисленные русские пограничные караулы не могли оказать ей серьезного противодействия. Более того, она совершалась при прямом попустительстве местных властей, которые нередко делили доходы с контрабандистами. Особенно большие размеры незаконная торговля приобрела в Нерчинском крае. В приграничные селения и караулы пригонялись табуны лошадей и крупного рогатого скота, привозились хлеб и другие товары. В контрабандной торговле участвовало не только пограничное население, но и представители крупного капитала. В широких масштабах, например, незаконные сделки с китайцами осуществляли купцы Кандинские. Более того, говоря о контрабандной торговле, современники признавали, что «все выгоды ее служат лишь обогащению людей зажиточных» и что «мысль будто бы караульная мена в упомянутом крае (Нерчинском. — В. Ш.) облегчает нужды бедных его жителей более или менее ошибочна» [18, л. 8–9].

В середине XIX в. положение в Кяхте изменилось. Среди торговцев возрос удельный вес сибиряков за счет перехода в высшую гильдию ряда иркутских купцов, а также из числа разбогатевших приказчиков и комиссионеров. Кяхтинская торговля постепенно становилась сибирской. За первую половину XIX в. количество сибирских чаоторговцев выросло в 7,8 раза, а объем оборота в 2,5 раза. Значительную часть сибиряков составляли купцы из городов Байкальской Сибири. Так, из объявивших в Кяхте капитал на 1858 г. 65 были сибиряками, 34 — российскими чаоторговцами [6, с. 143]. Из сибиряков 25 представляли купечество Западной Сибири, 40 — Восточносибирский регион. Следует отметить,

что кяхтинские комиссионеры, в обязанности которых входил надзор за торговлей, в первую очередь заботились о собственной выгоде. Обычно они представляли интересы нескольких хозяев. В конце первой трети XIX в., например, торговлю в Кяхте производили до 60 торговых домов, из которых 10 управляли своими делами лично, 9 — через приказчиков, остальные — посредством комиссионеров [11, с. 191]. Неслучайно из кяхтинских комиссионеров вышли такие известные впоследствии забайкальские предприниматели, как Л. Молчанов, М. Стрижев, Н. Сабашников, Н. Игумнов, И. Носков и др.

Значительные размеры принимало участие забайкальских жителей в мелочной и контрабандной торговле вдоль российско-китайской границы. Обороты ее составляли до полумиллиона рублей в год, а участие принимали сотни человек с обеих сторон. Крупное купечество не без основания видело серьезных конкурентов в мелких торговцах, которые в обмен на свою продукцию приобретали китайские товары и развозили их по всей Байкальской Сибири. После введения беспошлинной пограничной торговли между Россией и Китаем в середине XIX в. в городах Байкальской Сибири наблюдается заметное расширение китайской диаспоры. Ранее их активность проявлялась только в приграничных поселениях, в первую очередь в Кяхте. Е.А. Авдеева-Полевая, побывавшая в торговой слободе в 1805 г., записала, что мелочные китайские торговцы из Маймачена приносили для продажи «шелк сученый и шеневой для шитья гладью, картинки, куклы, каменные колечки, будумиловыи духи в подушечках, веера, деревянные и фарфоровые чашки, благовонные четки и множество других мелочей, изящных в своем роде» [7, с. 51]. Со второй половины XIX в. китайские торговцы стали более заметны и в других городах Байкальской Сибири. В основном это были мелкие торговцы и ремесленники. «Сильное впечатление производила на нас, — вспоминал детские годы А.А. Игнатьев, — Китайская улица, находившаяся почти в центре, близ городской часовни. В 1880-х гг. китайцы торговали в Иркутске морожеными фруктами, китайским сахаром, сладостями, фарфором и шелковыми изделиями» [8, с. 29]. О массовой и разнообразной мелочной китайской торговле в Иркутске вспоминает В.А. Обручев: «Единственно, что здесь значительно дешевле и притом лучшего качества, чем в России, — это чай, который продается настоящими китайцами с длинными косами и в национальных костюмах. Кроме того, у них можно купить китайский фарфор, чесучу и прекрасные шелковые материи» [12, с. 64]. Всего же в начале XX в. в Иркутске действовало несколько десятков китайских лавочек и магазинов, а всех китайских торговцев насчитывалось около 200 человек.

Еще в большей степени китайское присутствие было заметно в Забайкалье. По мнению путешественников, уже в Верхнеудинске явственно ощущалось соседство с Китаем: «Все лавки на базарной площади

имеют надписи на китайском и русском языках. В городе проживает несколько сотен китайцев, и значительная часть розничной торговли сосредоточена в их руках» [2, с. 76]. Не только в городах, но и во многих забайкальских селах встречались небольшие китайские лавки с китайскими и русскими товарами.

Огромный китайский рынок, предъявлявший повышенный спрос на пушнину, был значительным фактором, стимулирующим освоение новых промысловых территорий на северо-востоке Сибири, островах Тихого океана и северо-западном побережье Америки. С середины XVIII в. обширные территории тихоокеанского и американского севера были включены в зону воздействия российского капитала, а позднее и политического влияния Российской империи. По уточненным данным, с 1741 по 1799 г. было совершено 110 плаваний в Тихом океане, а общий промысел частных компаний составил до 8 млн р. [1, с. 21]. С 1799 г. все заокеанские владения были переданы под управление Российско-Американской компании, объединившей все частные промысловые компании на Тихом океане. Следует признать, что выбранная модель освоения русских колоний в Новом Свете по аналогии с соответствующими колониальными компаниями Англии, Франции, Голландии, действующими от имени и при поддержке своих государств, была в целом удачной. Русско-Американская компания активно выходила на мировые океанские рынки, расширяя экономическое пространство Азиатской России на огромный, стратегически и экономически очень важный для России Северо-Тихоокеанский регион.

Основная масса добываемой в Сибири и Русской Америке пушнины поступала в Кяхту, где она составляла в 1750–1780 гг. около 85% стоимости российского экспорта. Одной лишь белки во второй половине XVIII в. променивалось здесь от 2 до 7 млн шт. в год, кроме того, в большом количестве в Китай вывозились горностаи, лисицы, песцы, соболи, хорьки, бобры и меха морских животных. Причем удельный вес пушного товара у торговавших в Кяхте сибирских купцов был более высоким, чем у купцов Европейской России, а у многих сибирских торговцев меха были единственной статьей вывоза. Пушнина оставалась основной статьей российского экспорта в Китай вплоть до 1840-х гг., когда она уступила свое ведущее значение такой статье вывоза, как шерстяные и хлопчатобумажные ткани.

Расцвет кяхтинской торговли пришелся на конец XVIII — первую четверть XIX вв. В этот период товарооборот вырос на 90% и достиг к 1824 г. 16 млн р. Затем последовали застой и постепенное снижение. В 1830-х гг. общий объем кяхтинской торговли не превышал 13,5–13,8 млн р. [20, с. 206]. Основные партии китайского чая реализовывались на крупнейших российских ярмарках в Нижнем Новгороде и Ирбите, а также в Москве. Нижегородская ярмарка была основным местом размена азиат-

ских товаров на европейские и российские. Здесь закупались мануфактурные товары не только для кяхтинского торгога, но и для продажи их по всей Сибири. Нижний Новгород превратился в главное место распределения китайского чая по всей России. Миллионы, уплачиваемые за китайские товары, прежде всего за чай разных сортов, приводили в движение весь оборот ярмарки. Как отмечали современники, «чай являлся своеобразным рычагом, дававшим движение торговле» [3, с. 104].

Российские и сибирские товары постепенно завоевывали рынки Юго-Восточной Азии, успешно конкурируя с английскими и французскими. Рост русского экспорта сочетался с изменениями в его структуре. Если первоначально он почти полностью обеспечивался сибирской пушниной, то в XIX в. уже начинает преобладать продукция промышленного производства, в основном русского. Ее доля в русском экспорте в середине XIX в. составляла уже более 80%. В итоге, являясь по отношению к России чисто аграрно-промышленным краем, Сибирь выступала на азиатских рынках и в Китае как представитель передовой промышленной державы, поставляя из центра страны ткани, изделия из металлов, кожи и т. п.

Прямо или косвенно Кяхта стимулировала развитие транспортной системы, ориентировала на удовлетворение своих нужд ряд местных промыслов и отраслей промышленности. Наконец, трудно переоценить ее роль в становлении крупного сибирского предпринимательства. На эту сторону русско-китайского торгога обращали внимание сами его участники, видевшие в нем «единственный двигатель огромных капиталов на всем протяжении от Кяхты до Тюмени». Значительный капитал формировался в сфере грузоперевозок, пушном промысле, кожевенном производстве. Восточная Сибирь была основным поставщиком пушнины на китайский рынок. В 1822 г., например, из всей привезенной в Кяхту пушнины 80% принадлежало иркутским купцам. Важной статьёй в обороте русско-китайской торговли была продукция кожевенного производства, в первую очередь юфть. В развитие кожевенного производства вкладывали капитал такие крупные купцы, как Д. Ворошилов, Н. Мыльников, М. Сибиряков, С. Дудоровский и др. Все они были участниками кяхтинского торгога. На нужды внешнего рынка работали и многочисленные мелкие кожевенные заведения забайкальских крестьян и мещан. Большинство из них действовали по заказам верхнеудинских и кяхтинских купцов.

На ряд отраслей сибирской промышленности близость к китайскому рынку оказала негативное влияние. Ввоз в Сибирь дешевых китайских тканей и русского полотна обусловил слабость местного текстильного производства. Еще П.А. Словцов отмечал, что в Прибайкалье в середине XVIII в. повсеместно «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы» [21, с. 406]. К этому же времени относятся первые попытки использовать китайские ткани для изготовления платков, кушаков и другого платья. Так, в Иркутске действовали шелкоткац-

кие фабрики Прокопьева и Глазунова. И спустя столетие официальные источники констатировали, что «полотно в здешнем крае вообще мало употребляется, почти во всеобщем употреблении... китайская материя, которая по дешевизне своей более доступна для жителей всех состояний» [19, л. 31]. В свою очередь, ввоз из Китая сахара-сырца способствовал появлению в Сибири сахарного производства. В 1842 г. живший в Иркутске кяхтинский купец И. Пиленков обратился с предложением устроить в городе сахарный завод для изготовления белого сахара-рафинада. Купив у цехового Пономарева мыловаренный завод, он переоборудовал его и в июле того же года выдал первую продукцию. Еще один сахарный завод купцов Нерпина и Ременникова действовал в Усть-Кяхтинской слободе.

Развитие торговых отношений с Китаем сопровождалось увеличением грузопотока и способствовало развитию водного и гужевого транспорта. Одной из главных функций байкальского судоходства являлась переброска через озеро российских и китайских товаров. Обслуживание транзитных перевозок приносило значительный доход судовладельцам, и довольно быстро эта отрасль была монополизирована крупными иркутскими предпринимателями. Сплавом кяхтинских грузов занимались М. Сибиряков, С. Дудоровский, П. Иванов, К. Малышев, М. Шигаев и др. Уже в конце XVIII в. несколько иркутских судовладельцев объединились в купеческую компанию «судовых поставщиков». В нее входили купцы второй гильдии С. Дудоровский и М. Саватеев, третьей — П. Иванов. Компания осуществляла переброску до Тобольска крупных партий китайских товаров, привезенных в Иркутск зимним путем через Байкал из Кяхты.

Кяхтинская торговля значительно оживила крестьянскую извозопромышленность. Наибольшее развитие она получила в районах, прилегающих к Московскому тракту: в Прибайкалье — в Нижнеудинском и Иркутском уездах, в Забайкалье — в Верхнеудинском, особенно в Ильинской и Итанцинской волостях, где извозом занималось до 2 тыс. человек. Чайная торговля способствовала созданию в Сибири целой системы извоза, включавшей в себя как непосредственную транспортировку, так и ее обслуживание. Вдоль основных трактов процветало дворничество — содержание постоянных дворов. Здесь торговали фуражом и продовольствием, занимались кузнечным, тележным, кожевенным делом. По образному выражению Н. Щукина, Кяхта рассыпала «на пути до Нижнего миллионы рублей» [23, с. 42].

Рост капиталов купечества Байкальской Сибири, торгующего в Кяхте, отразился на развитии и благоустройстве городов региона. В планировке и застройке основных городских центров в этот период значительное место уделялось формированию деловых центров. Ядром их обычно становились торговые площади с крупными объемами гостиных дворов, торговых рядов, лавок, рынков, таможенных помещений. Особенно ярко торговая

инфраструктура проявлялась в ярмарочных городах региона Иркутске и Верхнеудинске. Центральной частью города гостиные дворы были также в Кяхте и Нерчинске. Наиболее обустроенным городом региона был Иркутск, превратившийся в начале XIX в. в настоящую столицу Сибири. Но и Верхнеудинск заслужил положительные оценки современников, которые особенно отмечали его «приятный и веселый вид» [22, с. 78].

В середине XIX в. Троицкосавск и Кяхта фактически слились, составив в 1851 г. единое Кяхтинское градоначальство. К этому времени в Троицкосавске проживало 5,8 тыс. жителей и еще 594 человек в Кяхтинской слободе. Город отличала насыщенная торговая инфраструктура, включавшая два деревянных и два каменных гостиных двора, в которых насчитывалось 155 лавок, хлебный, сенной и «съестной» рынки, купеческие лавки и магазины. Словом, сам вид города и его роль в развитии русско-китайских торговых отношениях вполне отвечала утвержденному в 1846 г. гербу Троицкосавска в виде рога изобилия, из которого сыпались золотые монеты. «Вид со въезда в город, — писал В. Паршин, — довольно хорош, и с первого взгляда дает понятие о богатстве. Большая улица простирается чрез весь город и по возможности старается быть прямою. Она застроена довольно приятной архитектуры деревянными домами» [13, с. 74]. Благосостояние жителей и самого города всецело зависели от состояния торговых дел на границе. Эта взаимосвязь, несомненно, сказывалась на внешнем облике города и слободы. Местные власти по мере возможности пытались благоустроить город, резонно считая, что пограничный город должен быть как бы лицом России. «Понятия китайцев о России, — отмечал А.И. Деспот-Зенович, — при настоящем отношении международных взаимодействий составляют единственно на основании данных, представляемых Кяхтою, здешние недостатки легко приписываются китайцами целому государству, а потому устранение оных и предоставление городу лучших условий общественной жизни достойно внимания правительства» [5, л. 1–4 об.].

Несмотря на то, что жители городов Байкальской Сибири имели довольно смутное представление о многообразии духовно-нравственных представлений и образов китайской культуры, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в их образ жизни. Из китайских товаров в Байкальской Сибири можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку и другие виды хлопчатобумажных тканей, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и другие мелочи.

В самом Иркутске и его окрестностях спрос на дешевые китайские товары был чуть ли не повсеместный. Еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин, бытовых вещей. У многих го-

рожан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели всеобщее употребление. До 1770-х гг. иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая.

Еще большее влияние Китая сказывалось на формировании бытовой культуры городского населения Забайкалья, особенно Кяхты и Троицкосавска. Так, в кяхтинской торговой слободе составной частью домашнего обихода были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, постоянно звучал китайский язык. Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. Среди зажиточных горожан региона получил распространение один из элементов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет. Жизнь кяхтинцев была неразрывно связана с китайским торговым поселением Маймачен, расположенным с другой стороны государственной границы. Постоянные и взаимные общения приводили к тому, что китайская бытовая культура и традиции постепенно проникали в повседневную жизнь купцов и мещан Троицкосавска. Как, правило, все договора заканчивались китайскими обедами, представлявшими собой целую церемонию. С. Максимов вспоминал, что на самом плохом обеде подавалось 42 блюда, а маймачинский дзаргучай на официальном празднике «Белого месяца», начиная обед «вверх ногами» (со сладкого), кормил троицкосавских чиновников 4 часа [10, с. 584]. Со временем и кяхтинские купцы старались удивить своих гостей китайскими обедами и чайной церемонией. Так, китайский обед из 40 блюд, которым угощал Дж. Кеннана и его спутников кяхтинский купец А.М. Лушников, явился для них «неизвестным прежде и любопытным событием» [9, с. 78].

Даже в деревянном декоре городов Байкальской Сибири явно присутствует причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо просматриваются стреловидные узоры, остроконечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных украшений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов. А. И. Лосев отмечал, что в городе «в садах искусством устроенных амфитеатров и бельведеров не имеется, а беседки в употреблении более китайского вкуса (какие в городе Кантоне) с чертежей и китайских картин» [15, с. 178].

Таким образом, в течение XVIII–XIX вв. в Сибирь не только выполняла роль своеобразного посредника между Россией и азиатскими странами, но и, благодаря своему соседству, имела возможности включиться в

международную торговлю, тем более что постоянное расширение русских территорий в южном и восточном направлениях создавало условия для развития сибирского рынка вширь. Города южной части Байкальской Сибири так или иначе были включены в процесс транзитной русско-китайской торговли, что не могло не сказаться на их специализации и экономическом своеобразии. Особая роль в развитии международной торговли в течение рассматриваемого периода принадлежала Иркутску и Троицкосавску (Кяхте). Русско-китайская торговля, несмотря на свой транзитный характер, содействовала развитию транспортной системы региона, ориентировала на удовлетворение своих нужд ряд местных промыслов и отраслей промышленности. Наконец, трудно переоценить ее роль в становлении крупного сибирского предпринимательства.

### Список использованной литературы и источников

1. Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? / Е. В. Алексеева. — Екатеринбург : УРО РАН, 1998. — 255 с.
2. Батуева Т. Б. Краткие заметки Э. Котто о Верхнеудинске / Т. Б. Батуева // Улан-Удэ в прошлом и настоящем : Мат-лы и тез. докл. науч.-практ. конф., посв. 330-летию образования г. Улан-Удэ. — Улан-Удэ : РАН Сибирское отделение БИОН, 1996. — С. 75–77.
3. Богородицкая Н. А. Торговля иностранными товарами на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX в. / Н. А. Богородицкая // Макарьевско-нижегородская ярмарка: очерки истории. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета, 1997. — С. 102–107.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 1391.
5. ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 6. — К. 2305. — Д. 18.
6. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) / А. А. Жиров // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. — Барнаул : Изд-во АлГУ, 2005. — С. 139 — 172.
7. Записки иркутских жителей. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. — 544 с.
8. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. — М. : Воениздат, 1986. — Т. 1. — 750 с.
9. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / Дж. Кеннан. — Т. 2. — СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. — 398 с.
10. Максимов С. В. На Восток. Поездка на Амур / С. В. Максимов. — СПб. : Издание С. В. Звонарева, 1871. — 594 с.
11. Неболсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле России / Г. П. Неболсин. — СПб. : Типограф. Департамента Внешней Торговли, 1835. — Ч. 1. — 224 с.
12. Обручев В. А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем 1888–1955 / В. А. Обручев. — Иркутск : Книжное изд-во, 1958. — 295 с.
13. Паршин В. Поездка в Забайкальский край / В. Паршин. — М., 1844. — Ч. 1. — 143 с.
14. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. / А. Н. Радищев. — М. ; Л.: Изд. АН СССР, 1941. — Т. 2. — 432 с.

15. Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. / Д. Я. Резун // Русские Сибиряки: культура, обычаи, обряды. — Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1998. — С. 175–186.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 51.
17. РГИА. — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 605.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 183. — Оп. 1. — Д. 146.
19. РГИА. — Ф. 1265. — Оп. 1. — Д. 87.
20. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. — М. : Наука, 1974. — 439 с.
21. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Новосибирск : Изд-во «Вен-Мер», 1995. — 676 с.
22. Шахеров В. П. Об одном малоизвестном описании Верхнеудинска первой половины XIX века / В. П. Шахеров // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. — Улан-Удэ : РАН Сибирское отделение БИОН, 1996. — С. 77–79.
23. Щукин Н. Быт крестьянина Восточной Сибири / Н. Щукин // ЖМВД. — СПб., 1859. — Ч. XXXIV. — № 2. — С. 17–47.

### **Информация об авторе**

*Шахеров Вадим Петрович* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: wodalish@yandex.ru.

### **Author**

*Shaherov Vadim Petrovich* — Doctor of Historical Science, Professor, Chair of Russia History, Irkutsk State University, 2, Chkalov Str., 664025, Irkutsk, e-mail: wodalish@yandex.ru.